

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.1

*В.В. Горбатова*РАДИКАЛЬНЫЕ ИСЛАМСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ
«РЕНЕССАНСА» ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА

Рассматриваются роль и место радикальных исламских организаций в ближневосточном политическом процессе с учетом событий «арабской весны». В ходе анализа автор проводит разграничение и определение таких категорий, как «политический ислам», «исламский политический радикализм» и «радикальные исламские организации». На примере ряда ближневосточных государств получают свое осмысление первые последствия «арабских революций».

Ключевые слова: радикальные исламские организации; политический ислам; «арабская весна».

В современных условиях вопросы, касающиеся политизации ислама, деятельности радикальных исламских организаций, их роли и места в мировом политическом процессе и политической практике отдельных государств приобретают все большую актуальность и становятся предметом острых дискуссий. Прежде всего, это связано с известными «революционными» событиями в регионе Арабского Востока. В контексте глобализации политического процесса так называемая «арабская весна» оказывает существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику как стран собственно арабского региона, так и государств, находящихся за его пределами. Активизация деятельности радикальных исламских организаций по всему миру в качестве полулегальных (теневых) структур, а в странах-участниках «революций» и в качестве светской власти, формирует новые реалии ближневосточного политического процесса. Указанная ситуация рождает новые вызовы для всего мирового сообщества.

Являясь дискуссионной, тема настоящего исследования порождает противоречивые подходы и концепции. Трактовки произошедших событий, равно как и их вероятных последствий, у экспертов-арабистов и исламоведов расходятся. Между тем категориальная основа осмысления обозначенной темы не вполне определена. Такие термины, как «политический ислам», «исламский политический радикализм», «радикальные исламские организации», прочно вошли в научный оборот, так и не получив исчерпывающих и конвенциональных трактовок. В связи с этим для дальнейшего адекватного анализа представляется необходимым провести некоторые краткие категориальные уточнения.

Политический ислам зачастую трактуется экспертами как синоним исламизма и исламского фундаментализма. Однако указанный подход не учитывает ряд его существенных особенностей. Так, политический ислам имеет, главным образом, практическую направленность. Вместе с тем он широко опирается на теорию, особенно в вопросах агитации, пропаганды и распространения влияния среди широких слоев верующих. Политический ислам, исторически базирующийся на теоретической основе умеренного фундаментализма, в настоящее время переживает свое возрождение. Прежде всего указанный процесс касается сферы политических отношений, где ценности и нормы политиче-

ского ислама становятся доминирующей идеологической платформой для приобретения светской власти. Практическая направленность теоретических положений политического ислама роднит его с **исламским политическим радикализмом**, субъектом которого являются радикальные исламские организации. Применительно к Арабскому Востоку исламский политический радикализм можно определить как политическую практику, основанную на идеях радикального исламского фундаментализма, провозглашающую политическую борьбу в качестве основного источника отстаивания традиционных религиозных, государственных и пр. ценностей и норм арабского региона как внутри него, так и за его пределами. В отличие от политического ислама, исламский политический радикализм имеет своих ярко выраженных субъектов, т.е. реализуется в деятельности конкретных мусульманских государств, партий, движений и групп.

Одной из разновидностей указанных движений и групп являются **радикальные исламские организации**, чья деятельность обширна и многообразна. Исламисты используют весь арсенал имеющихся в их распоряжении средств и методов: от законных до противоправных, включая открытый террор. На сегодняшний день не существует однозначного и общепринятого определения такой категории, как «радикальные исламские организации». Например, доктор философских наук, специалист по исламу А.А. Игнатенко называет их исключительно сектами [1, 2]. Еще один отечественный исламовед И.П. Добаев обозначает их как «экстремистские неправительственные религиозно-политические организации» (или НРПО) [3, 4]. Как представляется, радикальные исламские организации можно охарактеризовать как структуры религиозного характера, ориентированные на практическое воплощение своих лозунгов, принципов и установок. Для теоретического обоснования своей деятельности исламисты используют ультрарадикальные экстремистские лозунги, основанные на догматах веры, т.е. на религиозных постулатах ислама, а в политической борьбе – ориентированы на различные методы: начиная от легальных попыток прийти к власти, заканчивая террором в качестве основного инструмента влияния и устрашения. В соответствии с масштабом и декларируемыми целями их деятельности можно различать наци-

онально-ориентированные (например, ФАТХ, ХАМАС, «Талибан»), регионально-ориентированные (например, «Братья-мусульмане», «Хизбалла», «Аль-Гамаа аль-Исламия») и международно-ориентированные организации (например, «Аль-Каида», «Хизб ут-Тахрир»). При этом цели исламистов международного уровня (таких как «Аль-Каида») находятся, как правило, в западных государствах, хотя риторика их представителей может сводиться к призывам освобождения Палестины, Ирака и других стран региона.

В настоящее время ближневосточный регион переживает переломный период «политической турбулентности». В ряде стран произошли революции и сменились многолетние режимы (Тунис, Египет, Ливия), а политическая власть в некоторых государствах региона испытывает серьезный кризис и ведет ожесточенную борьбу с оппозицией (Сирия). При этом в части арабских государств борьба носит ярко выраженный конфессиональный характер: в Бахрейне имели место выступления шиитов (подавлены войсками Саудовской Аравии и ОАЭ), а в Сирии алавитско-суннитское противостояние перешло в открытую фазу. Сравнительно неплохо контролируют ситуацию монархистские режимы: в Омане султан выделил дополнительные средства на решение острых экономических проблем, в Иордании Абдалла II пошел на уступки, сменил правительство и премьера, а самая «консервативная» монархия Саудовская Аравия пошла на существенные послабления женщинам (впервые за всю историю страны им разрешено принимать участие в голосовании на муниципальном уровне) [5].

Оставив вопрос о наличии внешних факторов, способствовавших обострению политических противостояний и переходу их в революционные события, за скобками, можно рассуждать о первых результатах так называемой «арабской весны». Очевидная тенденция такова: светские режимы пали, их место заняли религиозные партии и движения. На выборах в Тунисе к власти уже пришла исламистская партия, а Ливия близка к тому, чтобы сделать законы шариата основными законами страны.

В связи с этим важно подчеркнуть тот факт, что политизация ислама в арабском регионе приобретает ярко выраженный институциональный аспект. Радикальные исламские организации становятся активными субъектами политического процесса в новой для себя форме политических партий, опираясь в своей деятельности по-прежнему преимущественно на религиозные постулаты. Пропагандистское воздействие адептов «чистого» ислама в рамках используемой ими специфичной интерпретации религиозных канонов является одним из ключевых факторов, оказывающих значительное влияние не только на внутривосточную ситуацию в странах Арабского Востока, но и на характер взаимоотношений арабского мира с другими неисламскими государствами (в том числе с Российской Федерацией).

Волна арабских «революций», прокатившаяся по региону Ближнего Востока, существенно трансформировала положение радикальных исламских организаций, деятельность которых переориентируется с характерного для них уровня политических отношений на региональные проблемы. Кроме того, существенно

возросла активность исламистов по всему миру. Так, до начала событий «арабской весны», как справедливо отмечал в своей работе упоминавшийся выше российский эксперт-исламовед И.П. Добаев, исламские радикалы находились у власти только в Иране и Судане [6. С. 48]. В других странах они действовали либо легально, либо нелегально (полулегально), подвергаясь преследованиям со стороны правящих режимов. В настоящее время стремление взять реванш и получить светскую власть посредством механизма выборов становится для исламистов доминирующим.

Наиболее показательным в этом отношении является пример «Аль-Каиды». В связи с событиями в Тунисе, Египте, Ливии и Сирии свою деятельность активизировали наиболее боеспособные ее «филиалы»: в Магрибе, Ираке, на Африканском Роге и Аравийском полуострове. Арабские страны, пережившие «революции», попали под пристальное внимание представителей данной организации. Одним из таких государств стал Египет. Как отмечает отечественный специалист по исламу Д.А. Нечитайло, после свержения Х. Мубарака новый лидер «Аль-Каиды» А. аз-Завахири уже обнародовал ряд обращений, связанных с будущим египтян, и опубликовал книгу «Реабилитация общины калама и меча от утомительных обвинений в усталости и слабости», в которой замечает, что условия, сложившиеся в настоящее время в Египте, представляют собой благоприятную почву для «Аль-Каиды» ввиду ослабления внутренних сил безопасности и усиления движения салафитов. Многие сторонники «чистого ислама», пишет аз-Завахири, преследуемые египетскими спецслужбами, отпущены на свободу и могут составить боевой костяк для возобновления джихада [7]. При этом «четкая программа и наработанные методы движения джихада позволят салафитам максимально воспользоваться результатами этих массовых выступлений и смены режимов» [7]. Новый лидер «Аль-Каиды» призывает поддержать революцию в Сирии, Йемене, а также повстанцев в Ливии, настаивая на том, что результатом их деятельности станет *исламское государство*, которое будет основано на союзе умеренных исламистов и групп джихада: «Процесс идеологического переосмысления начнется с Египта и приведет к лидерству салафитов. Некоторые представители новых сил сосредоточились на политическом действии, в то время как другие сосредоточились на исламском призыве (даава). Все они подчеркивают необходимость образования исламского государства на правилах шариата» [Там же]. Таким образом, в позиции аз-Завахири прослеживается изменение установок с ведения глобального джихада на решение региональных проблем, связанных с получением и удержанием власти в странах арабского региона.

В ходе череды «арабских революций» исламский политический радикализм активно *переходит в сферу публичной светской политики*. По инициативе исламистов коренным образом меняются конституции ближневосточных стран и их избирательное законодательство (как, например, в Египте, Тунисе и Ливии) в сторону введения норм шариата в качестве основных для функционирования государства, снятия запрета для религиозных партий на участие в выборах. Опираясь на

негативные настроения, царящие в арабском обществе, представители радикальных исламских организаций становятся официальной властью в ряде государств. В частности, в противостоянии с экс-премьером Египта Ахмедом Шафиком победу на президентских выборах в стране одержал член «Ассоциации братьев-мусульман» Мухаммед Мурси. В ходе своей выборной кампании он обещал избирателям поставить Египет на «исламскую основу» и добиться широкого применения там норм шариата. Формально, после объявления результатов выборов и признания себя новым президентом Египта, М. Мурси покинул ряды Ассоциации. Однако такое развитие событий порождает ряд сомнений, связанных со спецификой сетевого характера деятельности исламистов, которая практически исключает любую возможность внезапного полного прекращения связей и выхода участника из замкнутого сообщества.

Таким образом, можно утверждать, что в ближневосточных странах, затронутых «революциями», *идет процесс нового элитообразования (элитогенеза)*. При этом «новая элита» формируется преимущественно из представителей радикальных исламских организаций. В связи с этим исламский политический радикализм превращается из маргинальной идеологии в идеологию правящих. Указанному процессу, в частности, способствуют введенные ограничения (*цензы*) на пассивные избирательные права граждан. В частности, в Ливии к выборам не допускаются лица, занимавшие ведущие позиции в секретариате Высшего народного конгресса (ВНК), основных народных конгрессах, народных комитетах или участвовавшие в народном руководстве, дипломаты и политические деятели прежнего режима, если они четко не продемонстрировали свою поддержку Революции 17 февраля, активно выступавшие против Революции 17 февраля, похищавшие и растрачивавшие государственные фонды, совершавшие неза-

конные акты против ливийцев как внутри самой Ливии, так и за ее пределами, получавшие подарки и финансовые средства от руководства прежнего режима, лица, получившие академическую степень по «Третьей мировой теории» или «Зеленой книге», а также оппозиционные деятели, которые вели переговоры с прежним режимом. Предусмотрен также и ряд других цензов [8].

«Исламизация» Арабского Востока и возрождение исламского политического радикализма в регионе приводит, прежде всего, к *массовой миграции населения* и возникновению внутривосточных конфликтов, в том числе с реальной перспективой применения военной силы. Указанная ситуация рождает новые вызовы для мусульманских и немусульманских государств (в том числе и для Российской Федерации), связанные с контролем миграционного притока, поиском новых путей для ведения диалога с новой элитой арабских стран, а также обеспечением собственной национальной безопасности.

Исламский политический радикализм в своем институциональном аспекте превращается в реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. События «арабской весны», сопряженные с новым витком радикализации ислама в регионе и по всему миру, а также с процессом институционализации представителей радикальных исламских организаций в качестве официальных властей в ряде ближневосточных государств, могут повлечь за собой *определенный рост напряженности в субъектах Российской Федерации с большим числом коренного мусульманского населения*, связанный с различными попытками мобилизации мусульман в ряды «борцов за веру» и с поиском эффективных способов имплементации установок радикального ислама в светскую власть, в том числе с помощью вполне легальных и даже официальных государственных механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Игнатенко А.А.* Исламские секты в ожидании судного дня (новый взгляд со старых позиций) // «ЦентрАзия» [сайт]. [2003]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1070259000> (дата обращения 05.09.2012).
2. *Игнатенко А.А.* Эпистемология исламского радикализма // Религия и глобализация на просторах Евразии. М., 2005.
3. *Добаев И.П.* Политические институты исламского мира: идеология и практика. Ростов н/Д, 2001.
4. *Добаев И.П.* Неправительственные религиозно-политические организации исламского мира // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4. С. 91–97.
5. *Женщинам* Саудовской Аравии разрешили участвовать в политической жизни. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/09/25/893745.html> (дата обращения: 18.01.2012).
6. *Добаев И.П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д : СКНЦ ВШ, 2002. С. 48.
7. *Нечитайло Д.А.* Египет в центре внимания «Аль-Каиды» / Ин-т Ближнего Востока. URL : <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/18-08-11.htm#top> (дата обращения: 20.09.2011).
8. *Сапронова М.А.* Избирательный закон Ливии: от прямой демократии «Революции 1 сентября» к представительной демократии «Революции 17 февраля» / Ин-т Ближнего Востока. URL : <http://iimes.ru/rus/stat/2012/22-02-12.htm> (дата обращения: 09.05.2012).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 19 сентября 2012 г.